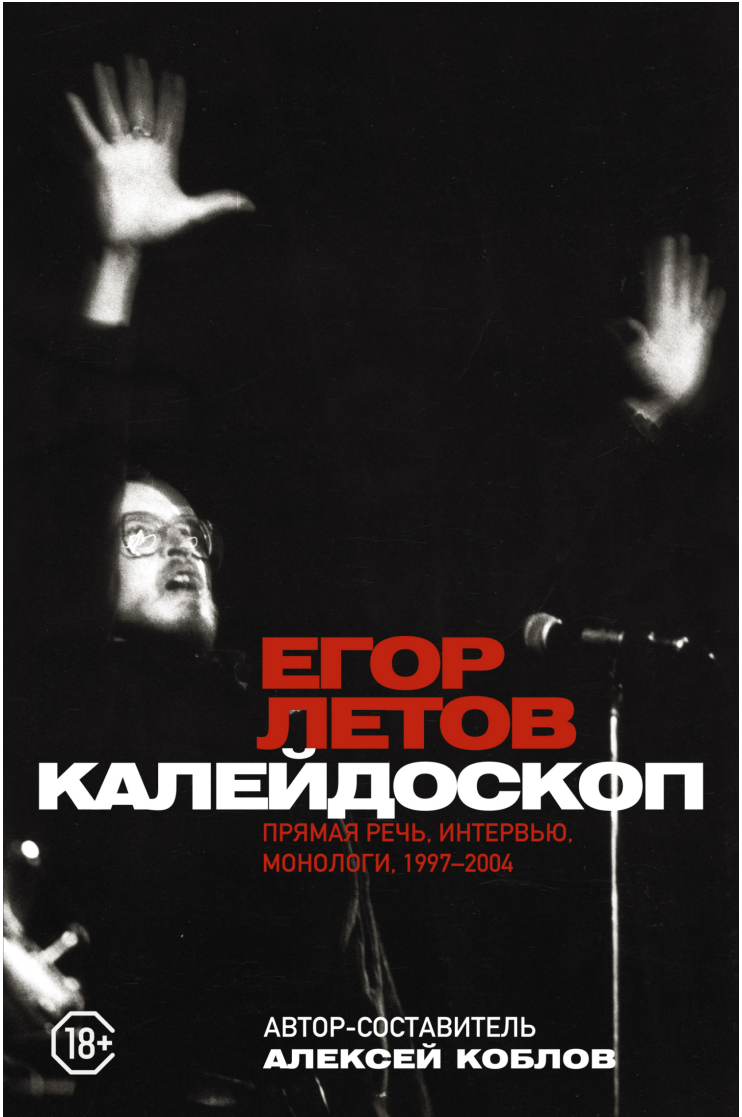


ЕГОР ЛЕТОВ

КАЛЕЙДОСКОП

ПРЯМАЯ РЕЧЬ, ИНТЕРВЬЮ, МОНОЛОГИ, 1997–2004

18+

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ
АЛЕКСЕЙ КОБЛОВ

Егор Летов
Алексей Л. Коблов
Калейдоскоп. Прямая речь, интервью, монологи, письма. 1997-2004

Серия «Герои эпохи: биографии»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69475588
Прямая речь, интервью, монологи. 1997–2004 / Егор Летов / автор-составитель Алексей Коблов: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-152985-7

Аннотация

Прямую речь Егора Летова можно рассматривать бесконечно, словно отдельное произведение, не менее важное, чем его стихи, песни и коллажи. Как показало время, интерес к личности Летова, к его словам, к тому, что он успел создать за свою жизнь, не только не угасает, а неуклонно растет. Первая книга, «Сияние», охватывала период с 1986 по весну 1997 года, теперь – продолжение, с мая 1997 года по декабрь 2004-го. Не перестающее удивлять, как и прежде. От «Солнцеворота» и «Невыносимой Легкости Бытия» через «Звездопад» к «Долгой Счастливой Жизни» и «Реанимации». Сквозь долгие годы

ожидания и мучительного творческого безмолвия к новой вспышке и откровению. Интервью и дружеские беседы, монологи, пресс-конференции и ответы на все ваши вопросы, концерты по всей стране, зарубежные гастроли и закрытые границы. Противоречия и цельность, великое множество и секретная калитка в пустоте. Отражение в зеркалах и взгляд на знакомые вещи через призму прошедшего. Новая встреча во сне и свидание на другом берегу. Гексаграмма «Бегство» и триграмма «Небо». Вечный калейдоскоп. История не кончается, и продолжение следует.

Развернутые комментарии автора-составителя включают фрагменты личных воспоминаний и исторгал, которыми показалось уместно тут поделиться.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

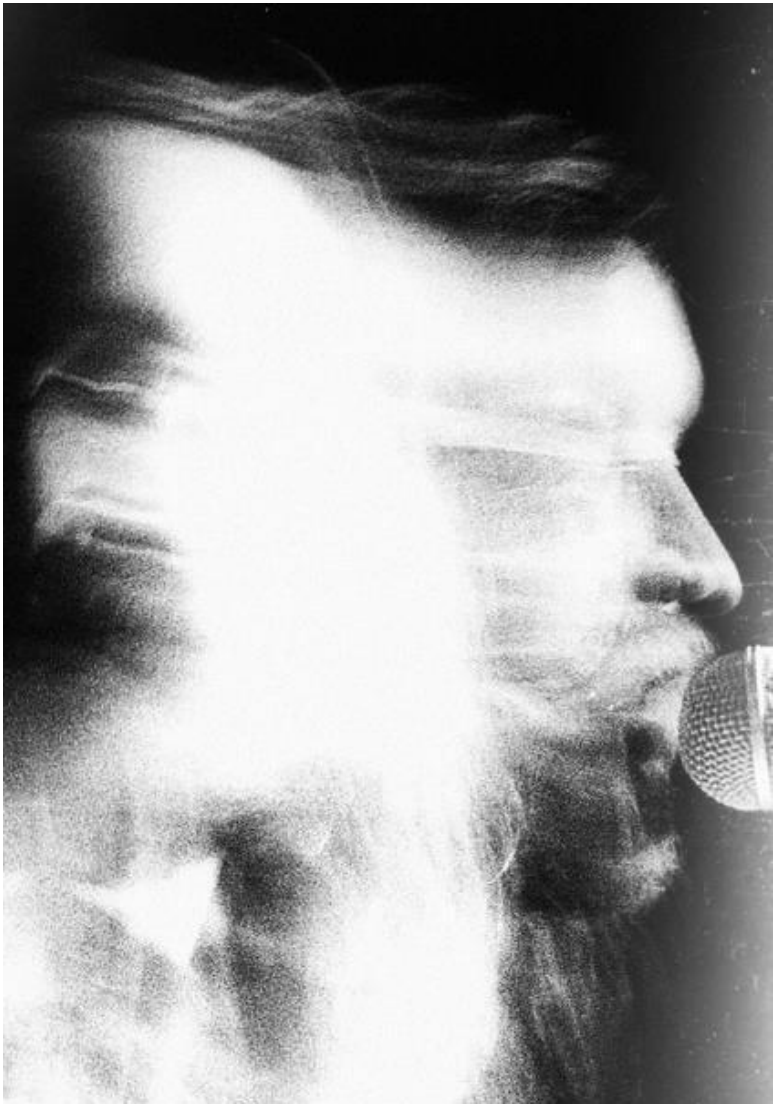
Содержание

Предисловие 10
1997 11
Пресс-конференция Егора Летова 11
Вселенская революция Егора Летова 27
Воевать мы будем чудовищно 33
Солнечный путь Егора Летова 39
Пресс-конференция Егора Летова 52
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Егор Летов
Прямая речь, интервью, монологи. 1997–2004

Автор-составитель Алексей Коблов

Фотография на обложке из архива «ГрОб Рекордс» – Егор Летов, 27 мая 1994 года, Москва, УДС «Крылья Советов», выступление «Гражданской Обороны» на акции «Русский прорыв» в Москве.



Издательство благодарит Наталью Чумакову и Сергея Попкова за помощь в подготовке книги.

Издательство АСТ

© Летов И.Ф., наследники, 2023
© Коблов А.Л., составление, 2023
© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2023

Предисловие

Прямую речь Егора Летова можно рассматривать бесконечно, словно отдельное произведение, не менее важное, чем его стихи, песни и коллажи[1]. Как показало время, интерес к личности Летова, к его словам, к тому, что он успел создать за свою жизнь, не только не угасает, а неуклонно растёт. Первая книга, «Сияние», охватывала период с 1986-го по весну 1997 года, теперь – продолжение, с мая 1997 года по декабрь 2004-го. Не перестающее удивлять, как и прежде. От «Солнцеворота» и «Невыносимой Легкости Бытия» через «Звездопад» к «Долгой Счастливой Жизни» и «Реанимации». Сквозь долгие годы ожидания и мучительного творческого безмолвия к новой вспышке и откровению.

Интервью и дружеские беседы, монологи, пресс-конференции и ответы на все ваши вопросы, концерты по всей стране, зарубежные гастроли и закрытые границы. Противоречия и цельность, великое множество и секретная калитка в пустоте. Отражение в зеркалах и взгляд на знакомые вещи через призму прошедшего. Новая встреча во сне и свидание на другом берегу. Гексаграмма «Бегство» и триграмма «Небо». Вечный калейдоскоп.

---

[1] Слова автора-составителя даны в тексте другим шрифтом.

1997

Пресс-конференция Егора Летова

спортивный комплекс «Крылья Советов», Москва, после акустического концерта 16 мая 1997 года

– Вас интересует, сколько народу придет на ваши концерты?

– Нет, не очень. Во всяком случае, мы не заинтересованы в том, чтобы пришло как можно больше из-за цены билетов. У нас очень определенная публика, аудитория очень специфическая. Она не зависит от цены билетов, это какая-то определенная прослойка общества, очень странная. Ее очень тяжело охарактеризовать односложно. Это и молодежные люди вот эти, которые торчат за окном. Причем они тоже очень странные. Я говорил недавно в интервью – я года два назад жил где-то на Красногвардейской в Москве, сел в метро, поехал куда-то по делам. Тут же увидел – какая-то огромная толпа людей, страшно выглядящих, все в банданах, с ирокезами на голове, булавками все исколоты. «Вот чёрт! – думаю. – Сейчас они меня узнают, начнут дурацкие вопросы задавать». Окружили меня и совершенно неожиданно начали вопросы задавать про Бердяева, про Юкио Ми-

симу, про что-то там ещё. Причем такие вопросы, что просто ни в какие ворота не лезут. Люди, которым максимум 15 лет, наверное. Ну, я считаю, что это какая-то определенная ниша общества, поколения молодёжного, которая совершенно сознательно отказывается вписываться в систему. В любую причем, в демократическую…

– Вы взрослый человек, и ваши песни взрослым людям…

– Я не думаю, что мои песни – взрослого человека. Мои песни – это песни животного. Или песни ребёнка, которого довели до состояния, когда он автомат в руки взял. То, что мы делаем – это вообще анти-, анти-, не то, что взрослая культура, антицивилизация вот эта взрослая. Всё, что мы делаем вообще. А мы делаем, в принципе, очень много. Мы сейчас, например, собираемся кино снимать, мы пишем книги, то есть у нас очень широкий спектр деятельности. По большому счёту, то, что мы делаем – это из области, наверное, создания определенной новой идеологии, новой религии.

– Но для того чтобы решить, относишься ли к цивилизации или к антицивилизации – для этого всё-таки нужно быть взрослым человеком.

– Почему, нет. Это борьба между определенных культур. Я считаю, что мы отстаиваем Культуру с большой буквы. А то, что мы имеем сейчас, – это полное ее нивелирование и разложение, на всех уровнях просто. Про Запад я вообще не

говорю, потому что на Западе это вообще всё закончилось очень давно, совершенно конкретно, там вообще культуры нет и быть не может. Всё, это мёртвая зона совершенно.

– А почему вы считаете, что на Западе не могут быть явления, соответствующие вашему – «Гражданской Обороне»?

– Потому что, если б они могли иметь место – они бы возникали. Их же нет.

– Кто еще в современной культуре распространяет среди масс такие же идеи, как вы?

– Мы не занимаемся распространением идей.

– То есть, вы к идеологии вообще никакого отношения не имеете?

– Нет, мы можем, конечно, идеологически всё это объяснить, подкованно, и так далее. Но это не главное. Мы распространяем больше на уровне эмоциональном, наверное. Потому что всё, что происходит на уровне идей, – оно не работает. Вот революция 1917 года произошла не потому, что люди Маркса читали, не потому, что «Капитал» был важным. «Капитал» никто не читал, никому он на хрен не нужен был никогда. А была определенная эмоция, потому что тот строй, который был тогда, с этим кургузым православием, – он до такой степени достал, грубо выражаясь, всех. То есть это была совершенно гнилая идея. И понятно, что возникла новая религия – коммунизм. Когда вместо «раб божий» появился солдат Земли, труженик, ответственный за поступки, за свои

действия. То есть эта революция – она была… Ее до сих пор очень неправильно понимают и подают. Причем как коммунисты – столь же придурковато, догматически, так и демократы. На самом деле революция была… Для того чтобы понять, что это было на самом деле, надо читать Бабеля и Платонова.

– Вы, наверное, часто общаетесь с журналистами. Как часто журналисты задают вам вопросы о музыке?

– Я не могу сказать, что я часто общаюсь с журналистами. После концертов общаюсь. Иногда задают, а иногда – нет. О музыке если задают вопросы, то очень дурацкие. Потому что то, что происходит в стране, отражается в музыке… Ситуация какая-то дремучая совершенно. Слушают чёрт знает что. Ну то есть вот открой какой-нибудь там «Московский бит» или что-нибудь еще – стыдно же просто! Слушают какое-то дерьмо просто, какие-то эти независимые, кому они нужны? Они потому и независимые, что никому не нужны. То есть, группа, которая чего-то стоит, – это «The Beatles», это «The Who», это «Dead Kennedys» – она становится знаменита на весь мир. Это люди, которые берут власть в свои руки – духовную, творческую, и так далее. А вот эти независимые – это как тараканы какие-то там ползают. И при этом это воспевается, как нечто очень хорошее.

– Ваша музыка – это полная гармония? Или это дисгармония с окружающим миром?

– Это вообще не музыка. Я объясняю – то, что мы дела-

ем, это к музыке вообще отношения никакого не имеет. Если имеет, то очень косвенное. По сей причине мы играем обычно очень коряво, достаточно плохо, мы на концерте слова забываем. То есть, то, что делается, на самом деле – это из области энергии, эмоции, какого-то общения с залом. Давно, в 1988 году, по-моему, я говорил в «Контркультуре», то, что мы делаем – это похоже на шаманизм, из этой области. После этот термин стал очень сильно опошлен, потому что началась какая-то шаманизация населения огромная. Нас стали записывать в определенные магические дела. Но, в принципе, да, это из области магии, наверное, чего-то еще такого.

– У вас давно уже не видно никаких пацифистских символов, которые были в 1980-х годах.

– А у меня никогда их особо-то и не было, я никогда пацифистом не был.

– То есть, пацифизм как мировоззрение в современном понимании вам чужд?

– Абсолютно. Разумеется, да. И никогда мне это близко не было, и никогда пацифистом я не был вообще, и никогда не буду.

– А панк-рок – это единственная форма передачи вашей энергии публике, которая воспринимает ваше творчество?

– Я же поэт, собственно говоря. То есть, я пишу стихи, я делаю много всяких вещей всевозможных, разных. В частности, я политикой собираюсь заняться конкретно.

– Если не секрет, какие политики нынешние вам близки?

– Лукашенко.

– А дома вы часто концерты даёте? Чаще, чем в Москве?

– Дома – в Омске? Вообще никогда.

– Почему?

– Потому что я там живу. Я вот не хочу, чтобы у меня вот такое было каждый день (*прим.*:[2] показывает на толпу поклонников за окном). Я стараюсь максимально, я распускаю миф, что я в Омске не живу, что живу где-то там в Москве или где-то за городом.

– Не нравится?

– Что не нравится, вот это? (*Прим.:* показывает на окно).

– Ну да.

– А как оно может нравиться? Я там работаю.

– Студийная работа?

– И студийная, и вообще. То есть, это место, где я могу максимально расслабиться, сосредоточиться и сочинять, писать, что-нибудь делать, вот и всё.

– Очень хорошо и очень давно знаю вашего брата. Зная его со времён «ДК», я имею все основания предполагать, что «ДК» повлияла как-то на то, что вы стали тем, чем вы стали.

– «ДК» хорошая группа. Не знаю, «ДК» я услышал очень

---

[2] Примечания автора-составителя.

поздно, совершенно неожиданно, году в 1988-м. Причем совершенно случайно. Потому что я советский рок вообще не слушал, там слушать, собственно говоря, нечего, позорное дело. Нечаянно совершенно попал… Тем более московский рок – он себя всегда зарекомендовывал как вообще что-то ужасное такое. То есть, какие-то сукачёвы, ну что-то совсем…

– Так он же и есть ужасный, конечно.

– Ну вообще. Просто курьёз. Если, допустим, ленинградский рок – его еще можно роком назвать, потому что это такие очень плохие перепевки… Не то что плохие, но с очень грамотных оригиналов. От Дилана и кончая «String Driven Thing», которых Гребенщиков дерёт, «Fairport Convention» – то есть, группы, которые сейчас скажи – никто не вспомнит, что это такое. Потому что там была определенная подпольная культура, они слушали пластинки и сдирали их, текста и так далее, потому что по-английски умели хорошо лопотать. Так как я английский тоже хорошо понимаю, я когда услышал, у меня сразу, честно говоря, дрожь по спине пошла. Думаю – это как же такое возможно, что там прямые просто «съёмки». А в Москве старались делать своё, в отличие от Ленинграда, но оно, из того, что было своё… Я не знаю, «Звуки Му» можно назвать своим или нет, потому что… Я вот ни разу «Captain Beefheart» на сцене не видел, как он себя ведёт, но говорят, что это один к одному, что Мамонов снимает. А Мамонов мне лично говорил, что это у него лю-

бимая видеокассета, например, которую он ставит и смотрит.

Возвращаясь к «ДК». Когда я их услышал первый раз – ну как оно могло повлиять, когда мы начали с 1983 года играть? А собственно говоря, весь цикл песен, большинство даже, что были сегодня на концерте – они написаны в 1986–1987 году. А мы услышали «ДК» впервые в 1988 году, где-то в начале. Нам страшно понравилось! Понравилось до такой степени, что вообще. Нам нечаянно попали два альбома – «Десятый молодёжный» и «Киселёв». Мы с Кузьмой просто… Я ушам не поверил, думаю: «Вот это да! Наконец-то группа возникла, которая ни на что не похожа, играет типа нас».

– Не обидно ли вам, что вы существуете в некоем информационном вакууме? Если журналисты и пишут о вас, даже публикуют какие-то интервью, то это непременно сопровождается какой-то рецензией – как правило, неодобрительной. И о музыке, которую делает Егор Летов, о музыке «Гражданской Обороны», никто никогда ничего не пишет.

– Ой, ну слава тебе, господи. А чего о ней писать, собственно говоря? О музыке никогда писать не надо, музыку слушать надо.

Что за вакуум? Какой вакуум? Никакого вакуума нет. Мы вообще живём ужасно полнокровной жизнью! Относительно того, что пишут про нас, не пишут – беда в том, что у нас очень мало в стране изданий, печатных или каких-то ещё, которые можно принимать всерьёз. Это очень, причём, мяг-

ко выражаясь, я бы жёстче сказал, но тут женщины. Причём, как оппозиционные, так и наши. Люди, которые там обычно работают, к сожалению, есть хорошие, есть не очень хорошие. Кто их читает? Никто. Никто ничего не читает. Поймите, что никто ничего не читает, никто ничего не смотрит. То есть, нельзя, допустим, по телевизору говорить, что, Кира Муратова – говно, и все будут думать, что это говно. Нет. Или что вот этот, так сказать, плохой. Нет. То есть, средства массовой информации очень сильно преувеличивают свою роль. Причем до такой степени в последнее время, особенно в нашей стране, что им очень грозят большие неприятности, я думаю, в ближайшее время. Потому что народ просто от них отказывается. Никто ничего не выписывает, никто не читает, телевизор никто не смотрит. Вот, собственно говоря, чего добились. Как говорить о том, какие средства массовой информации? Мы стараемся печататься в таких газетах, как «Завтра», «Советская Россия».

– О вашей музыке нигде никто ничего не пишет.

– Почему всё же разговор о музыке? Мы не занимаемся музыкой.

– Вы играли коряво, то есть не стремились сделать что-то сугубо профессиональное? Или вообще не могли?

– Ну не то, что коряво, мы могли и хорошо сыграть. Да нет, конечно, могли, мы хорошие музыканты. Мы двенадцать лет играем, четырнадцать. Когда я с Кузьмой познако-

мился – он вообще был профессиональный музыкант к тому времени. Это был определенный подход. То есть, на каждый этап, период времени, существует…

– Сейчас такой же подход?

– Нет, сейчас другой подход. Существуют определенные ответные эпатажные ходы. Вот то, что не вписывается в ту систему, которая главенствует – эстетическая или духовная, музыкальная, что угодно. То есть это обычная система взглядов. Для того времени работало – мат, определенная такая корявость демонстративная. Этим «ДК» мне, честно говоря, сразу понравились – все эти нестроевичи гитарные и прочее. Но это ж не работает всегда. Потом это надо изменять. Мы вот меняем, меняем, меняем, меняем каждый раз. На самом деле эти вопросы нам постоянно задают. Почему мы были антикоммунисты, были раньше такие хорошие, или какие-нибудь плохие, а теперь стали вот такие – хорошие или, наоборот, плохие. На самом деле мы какие были, такие и остались. То есть всё, что мы делаем, я постоянно объясняю – это, собственно говоря, из области демонстрации, как нужно действовать в определенных ситуациях, которые меняются постоянно. Это демонстрация опыта определенного. Понимаете? Это очень важно.

– Традиционалисты вам не претят, народники?

– Какие народники?

– Та же Джоан Баэз, Дилан. Или для вас это всё – массовая культура?

– В принципе, конечно, это массовая культура, но вообще мы слушаем очень много чего. То есть, мы слушаем от классики, причем от Букстехуде (*прим.:* Дитрих Букстехуде, композитор эпохи барокко), средневековой, и от народной музыки, архаической, традиционной. Ну и кончая всем последним, «Любэ», например. «Любэ» очень любим.

То, что мы делаем, – это всегда, это самое главное доказательство того, что что-то у нас происходит, что мы концерты даём, сочиняем – то, что есть огромное такое «За», такое вот с большой буквы, кирпичное такое, понимаете? Поэтому мы поем песни, «Против», и так далее. Дело в том, что у нас очень много песен действительно дурно понятых. Например, «Всё Идёт По Плану». Народ до сих пор не может понять, думают, что это всерьёз поётся. Это поётся от имени человека спившегося, усталого человека, совершенно опустившегося, который пришёл домой, от него жена ушла, он включил телевизор, пьёт, и всё, что он видит по телевизору, и вообще, что у него в голове взбредает – идёт такой поток сознания. Сначала я написал двадцать с чем-то куплетов, когда ее сочинял. Я сидел и описывал всё, что по телевизору происходит. То есть я вошёл в это состояние, я актёр немножко, и всё это описывал. А после этого вычленил определённую часть и записал так, издевательски. Это подчёркивалось тем, что в конце идёт наворот в альбоме, все эти крики «Коммунизм!». Одновременно четыре человека читают четыре книжки – Платонова, что-то еще, идёт огром-

ная гамазня такая. Народ до сих пор думает, что это всё серьёзно, что вот, один лишь дедушка Ленин… А там очень утрированы эти фразы дурацкие-то были, понимаете? Хороший был вождь…

– Но народ-то – он неглупый.

– Народ глупый, не глупый, но тогда извините, а как понять – «всё идёт», «я всегда буду против»? Потому что песня написана, собственно говоря, от обратного. То есть, мы доводили ситуацию в 1988–1989 году до максимума. Доведение вот этой антижизненной ситуации до максимального экстремизма. Потому что только в этом состоянии… «Только когда человече мрёт, лишь тогда он не врёт». Мы доводили совершенно конкретно публику, эту текстовую массу до состояния, когда больше ничего не остаётся. Только в этой ситуации происходит какое-то изменение. Ну, оно произошло, но произошло, к сожалению, не в ту сторону. В 1991 году произошла революция. То, что мы сейчас делаем, вообще, всё, что мы делаем в жизни, – это мы делаем только «за».

– За что?

– За что? За жизнь.

– А как вы понимаете жизнь?

– Жизнь – это единственное чудо, по-моему, которое на Земле существует вообще. Совершенно необъяснимое и непонятное. Это из области, которая не вписывается ни в какие религии, ни в буддийские, ни в иудейские, ни христианские, и так далее. Если в христианские, то в понятия ранних

христиан, апокрифных. Гностиков.

Всё остальное… То есть в истории человечества происходит такая просто вневременная или супервременная борьба между людьми – или нелюдьми – силами, которые подставляют свою жизнь, творчество, которые не отстаивают, которые не завоёвывают, а отстаивают своё существование в этом мире, и огромной энтропией. А это закон Вселенной, это естественный закон. Происходит такая борьба. Каким это образом осуществляется – каждый раз по-разному. Иногда через политику, иногда через войну, иногда через творчество, создание новой эстетики, новых законов.

– Всем людям стоит бороться или, может быть, можно просто жить?

– Не знаю. Вопрос непонятный.

– Такое ощущение, что вы хотите превозмочь все законы Вселенной и других за собой потянуть. А может, вы тоже им подчиняетесь?

– Других нельзя за собой потянуть.

– Но вы же пытаетесь это сделать.

– Нет.

– Вы же не просто так даёте концерты.

– Нет, не пытаюсь, не пытаюсь, не пытаюсь.

– Делаете фильмы, поэзию выпускаете. Не в своё же удовольствие.

– Есть пословица вот китайская, или индийская – можно привести коня к водопою, но нельзя заставить его глотнуть.

Ну, можно, конечно, привести.

– Но вам бы хотелось, чтобы глотнули?

– Я хочу показать, что есть, где глотать. Вот, собственно, задача.

– Как вы думаете, за что вас так не любят? Почему вы остаётесь, по-моему, единственной андеграундной группой в этой стране?

– Ну а как, и так понятно из этого интервью, почему нас не любят. Без комментариев. Вот за это не любят, что мы такие.

– О жизни размышляют многие.

– Мы о жизни не размышляем, мы живём. Мы идём в тишине по убитой весне. А другие это слушают и размышляют – хорошо ли это, или плохо?

– А на самом деле вы представляете какую-то опасность?

– А мы идём, по этим очкам, значкам.

– Как вы думаете? Представляете ли вы какую-то реальную опасность той жизни, которая существует?

– Ну, конечно, представляем. Поэтому нас и не любят.

– Янку вы сейчас видели бы в своих рядах?

– Конечно, без всякого сомнения. Я думаю, и Башлачёв бы у нас сейчас был. Жалко, конечно. Башлачёв сто процентов был бы. И Высоцкий был бы, конечно. У нас компания очень хорошая.

– А кто не с вами – тот против вас или нет?

– Конечно.

– Ты никогда не служил в армии?

– Не служил, но, в принципе, с удовольствием повоевал бы в Чечне где-нибудь.

Не имеет смысла делать то, что и так в мире существует. Имеет смысл делать то, чего в мире нет. Без цели ничего не существует – оно тут же разлагается, и всё. Смерть – это и есть, когда человека, или структуры, идеи, я не знаю, системы искусства – как только отсутствует цель, она тут же… А цель – она всегда какая-то, так или иначе, агрессивная, тоталитарная. То есть, она работает на слом. Это всегда война какая-то, агрессия. Когда это отсутствует – тут же этому конец приходит.

Эта пресс-конференция происходила после майской акустики Летова в Москве, в гримерке, функцию которой выполняло одно из подтрибунных полуподвальных помещений. Видеооператоры, приглашенные лейблом «ХОР» Евгения Колесова, снимали сам концерт и пресс-конференцию, в том же 1997 году этот материал был выпущен на видеокассетах. В кадре можно увидеть и меня, я держу перед Егором микрофон – подходящей стойки для микрофона тогда в гримерке не нашлось. В цифровом формате это видео пока что не издавалось. Незадолго до концерта были выпущены сразу два новых альбома «Гражданской Обороны»: «Солнцеворот» и «Невыносимая Легкость Бытия» на аудиокассетах, CD с этими альбомами появились только в 2000 году.

Издание «Московский Бит» Летов упоминает неслучайно – как раз в канун концерта вышел номер с его большим интервью, которое мы делали весной по телефону, я звонил Егору в Омск, и мы подробно беседовали о новых альбомах и текущих событиях. Пачку газет мы тогда и принесли на концерт, Летов раздавал на них автографы. В гримерке были окна во двор, об этом вскоре узнали фанаты, во время пресс-конференции они смотрели на нас сквозь эти окна, о чем Егор и говорит в начале. Причем мы еще легко отделались, на подобном концерте в Питере в ту же примерно пору особо настойчивые фанаты «ГО» тоже вычислили, где находится гримерка Летова, и пытались брать дверь в нее штурмом, используя в качестве тарана найденное во дворе дерево. Ну и вскоре после этого концерта в «Крыльях Советов» у Егора возникла вынужденная пауза между гастролями, и я пригласил их с Аней Волковой, Нюрычем, пожить несколько дней у меня в Зеленограде. Мы гуляли по лесам, слушали музыку и много разговаривали.

Вселенская революция Егора Летова

Алексей Коблов «Я молодой», приложение к газете «Аргументы и факты» № 22 (150), май 1997 года

Егор Летов – лидер сибирской группы «Гражданская Оборона», основатель и идеолог движения «Русский прорыв». Придерживается радикально коммунистических и патриотических взглядов. Несмотря на то что армия поклонников «ГО» исчисляется, по меньшей мере, сотнями тысяч в пределах бывшего СССР, группа продолжает оставаться «андеграундной» и едва ли не последней реально независимой группой русского рока. Серия акустических концертов Егора Летова в Москве (16 мая), Санкт-Петербурге (24 мая) и Киеве (июнь), а также выступление «ГО» в Минске (26 апреля) предваряют большой концертный тур группы, который должен начаться летом. 20 апреля увидели свет два новых альбома «Гражданской Обороны»: «Солнцеворот» и «Невыносимая Легкость Бытия», на запись которых ушло более 2 лет.

Альбомы выпущены на компакт-кассетах, летом они будут изданы на CD. Также в грядущих планах Егора Летова – выпуск большой книги стихов, издание собственного литературно-художественного журнала или газеты, съемки кинофильмов и все это – своими силами.

– На выборах ты выступил в поддержку Зюганова… Зюганов проиграл. А ты?

– Я тоже. Тоже проиграл. Шел по улице и ничего не боялся. Плечами толкал. Стыдно мне было за всех этих встречных, позорно. Да и дело-то не в Зюганове, собственно. Дело в идее, в символе. Кто такой Зюганов? Но то, что он олицетворял, символизировал, – было то, что надо. Национал-патриотический фронт. И ясно это было всем – и нашим, и вашим. В настоящее время единственный кандидат от оппозиции, национал-патриотической оппозиции, реально способный изменить ситуацию в стране, а стало быть, и в мире – Александр Лукашенко. Сам факт того, что инициатором создания союза Белоруссии и России, новой славянской империи, собственно Советского Союза, является именно он, говорит сам за себя.

– Ты считаешь себя националистом?

– Я советский националист. Родина моя – СССР. СССР – это первый и великий шаг вдаль, вперед, в новое время, в новые горизонты. СССР – это не государство, это идея, рука, протянутая для рукопожатия, и слава и величие России в том, что она впервые в истории человечества взяла на себя горькую и праведную миссию прорыва сквозь тысячелетнее прозябание и мракобесие, одиночество человека к великому единению – к человечеству. Я верю, верую во Всемирную, Вселенскую революцию и готов воевать за нее и словом, и делом, как это делали мои доблестные предшественники,

учителя и соратники от Достоевского до Маяковского, все те, кто всегда был против лжи, равнодушия, упадка, смерти. В 1917 году наша страна сделала первый шаг на пути к истине – не бывать ему последним!

– Понятно. А кого ты считаешь в таком случае своими соратниками по духу?

– Я бы сказал, это соратники, скорее, не по духу, а по борьбе на едином метафизическом фронте. Это Сидур, Муратова, Введенский, Артур Ли, Херцог, Платонов, Маркес, Генри Миллер, Тарковский, Филонов, Грюневальд, И. Христос, Кундера, Прометей, Терентьев, Крученых, Бруно Шульц, Высоцкий, Шукшин, Вера Матвеева, Ван Гог, Кобо Абэ, Бергман, Шпаликов, Бердяев, Гоголь, Исикава Такубоку, Норштейн, Г. Гросс и т. п.

– Нет ли у тебя ощущения, что ты задействован некими силами в незримой партии в качестве шахматной фигурки?

– Задействован, не задействован… Солдат, воюющий за Родину, матрос, затыкающий амбразуру, сгорающий Гастелло – это фигурки? Война за правое дело – партия? Я, несомненно, ощущаю силу за своей спиной, но дело в том, что я не соотношу в себе свое настоящее «я», истинную суть со своим эго, телом или паспортными данными. Я и есть та сила. В некотором роде мы – одержимые воплотители, исполнители очень хорошего дела. Отдавая себе в этом отчет или нет, каждый из нас делает то, что должен или может.

– Чем для тебя является рок?

– Рок, каким он был в 1960-е годы и каким он воистину должен быть, – живейшая и искреннейшая форма народного творчества нашего времени, преследующая сугубо революционные цели – изменение как существующего порядка, жизненного уклада, так и сознания самого автора-исполнителя и «слушателя-потребителя». Рок – это революция, это бунт через борьбу, через преодоление, возможны прогресс, движения, взламывания тугой скорлупы инерции и застоя. Именно эти цели рок и обязан преследовать и самым жестким, и самым пламенным образом.

– Инерция, по-твоему, это основная причина социальной катастрофы?

– Две беды – инерция и обыватели. Именно из среды обывателей пышно произрастают вся наша «новая буржуазия», мафия, вся лакейская демократическая мразь. В известном смысле все мои песни, все мое творчество всегда были направлены против той пресыщенной, алчной, лакейской прослойки граждан, учиняющей ныне беспримерно циничный, чудовищный раздор и поругание нашей отчизны, оглушительно ратуя за некие «общечеловеческие ценности», сводящиеся к идее собственного ожирения за счет обирания и удушения ближнего своего.

Что касается инерции – мой жизненный опыт самым наглядным и жестоким образом ежедневно доказывает мне, что, ежели не сопротивляться, «собрав всю волю воедино»,

накатывающему на тебя жизненному потоку, колесу инерции, рутине бытия, пустить себя на самотек, неизбежно наступает самая плачевная, самая позорная, самая омерзительная и чудовищная развязка ситуации, в которой находишься. Ясный взгляд и жесткий непрерывный контроль необходимы в каждом действии, в каждом помысле, иначе неминуемо оказываешься втянутым в самый зловонный водоворот собственных нечистот и крайне плачевных обстоятельств. Все беды – от безделья, безволия и равнодушия. А Царствие Небесное, как известно, силой берется.

Если нет ни сил, ни выхода, тогда надо уходить достойно, не сдавшись, как это сделали Янка, Башлачёв, Селиванов и другие мои братья и сестры по оружию и фронту. Они победили, попрали в первую очередь свирепый закон самосохранения, в конечном счете – саму смерть. Те же, кто остается после них, обязаны удерживать как свои, так и осиротевшие участки фронта и воевать за себя и «за того парня». Фронт держится на нас, нельзя нам умирать от слабости, тоски и безволия, мир держится на каждом из нас – истинно живом.

– Что ты хочешь сказать своим слушателям?

– Ну что, долго еще будет продолжаться беспредел на нашей Земле?! Верните себе честь, мужество и достоинство, позорно и бессовестно вами утерянные.

Этот материал для «АиФ» мы с Егором делали у меня дома в Зеленограде в мае 1997 года. Он подзадоривал: «Ну

нет, ты давай спорь, а я буду в ответ спорить с тобой, так интереснее получится». А в итоге, переключившись на дружеское общение, он придумал другое – у меня в комнате лежала газета с его интервью с самим собой прошлых лет, и Егор начал брать оттуда целые куски, справедливо подумав, что многотысячная аудитория «Аргументов и Фактов» вряд ли была знакома с его публикациями в патриотической прессе, которая, к тому же, в широких кругах воспринималась как маргинальная. В итоге мы получили некую компиляцию, начавшуюся с живого разговора, но вскоре превратившуюся в очередной монолог. И до, и после Летов поступал так не раз и не два, руководствуясь известным принципом: «Хочешь сделать хорошо – сделай сам». Отсюда взялись и рукописные тексты, стилизованные под живой разговор, и ставшее в какой-то момент обязательным визирование интервью, зачастую радикально изменявшее его содержание.

Воевать мы будем чудовищно

Сергей Чернов *«Пчела» № 10, май-июнь 1997 года*

После посещения Петербурга сибирско-московским рок-движением «Русский прорыв» летом 1994 года и акций Сергея Курёхина в поддержку НБП в 1995–1996 годах, о национал-коммунистическом роке в нашем городе начали забывать. Но в мае-июне с. г. Питер посетили сразу два представителя наци-рока: Егор Летов (два концерта – соло и с «Гражданской Обороной») и московская трэш-группа «Коррозия Металла». Сцену любезно предоставил клуб «Полигон», основанный бывшим басистом «Кино» (а ныне – DDT) Игорем Тихомировым.

Протестов со стороны местной рок-общественности не последовало – против фашизма в роке выступила только клубная группа «Маррадеры».

Смена вех

Мы не изменились – какими мы были, такими и являемся. Меняется ситуация в мире, меняется постоянно. Она пластическая. Кого мы поддерживаем? Лукашенко. Поддерживать будем с оружием. [Российских деятелей оппозиции] нет. [Лукашенко] придет к власти и порядок наведет.

Люди дела

Мы – люди дела. Я думаю, что сейчас ситуация такая, и в политике, и в мире, что эпоха политиканов прошла. Теперь не имеет смысла заниматься болтовней, демагогией («это хорошо, это плохо»), все уже всем ясно. Все уже встало на свои места. Все понятно. Все эти разоблачения («этот плохой, этот хороший») не работают. Работает что-то другое. Все всем ясно. Ясно голодному человеку, что он голоден, а сытому человеку ясно, что он сытый. Человеку более или менее обеспеченному ясно сейчас, что ему страшно. Сейчас совершенно очевиден, для меня во всяком случае, раскол общества на две половинки, – людей, которым страшно и которым не страшно. Те люди, которым не страшно, делают то, что хотят. Они и придут к власти. Идеология в данном случае абсолютно ни на что не влияет. Все революции случаются не идеологически, а бессознательно. [Это] люди прямого действия, экстремисты, боевики. Причем от интеллекта это не зависит. Не важно – умные они, глупые или какие-то еще. Они могут быть полными интеллектуалами, но при этом они могут взять вот этот вот стакан и по роже заехать.

Шамиль Басаев

Шамиль Басаев – это не Че Гевара, извиняюсь. За такие вопросы, честно говоря, по роже бьют. Этого Шамиля Басаева надо просто повесить за яйца и все.

Поездки Юрия Шевчука в Чечню

Театр кабуки. Я хотел в Чечню поехать, меня вот не пустили. Но ехал бы я туда не для того, чтобы песни петь. Я бы поехал для того, чтобы стрелять. Первая наша поездка в Сербию сорвалась – мы бы поехали для того, чтобы стрелять. После Сербии мы бы хотели поехать в Чечню, совершенно конкретно, чтобы воевать и стрелять. Нас не пустили.

Россия

В настоящее время это единственная цивилизация, культура, которая сопротивляется вавилонскому хаосу, нашествию. Хотя, собственно говоря, мы уже проиграли, почти полностью, потому что поколения, которые сейчас воспитуемы в этом хаосе перестройки, мерзости вот этой, дерьма, демократии (извиняюсь за выражение, демократии), они уже практически потеряны. Но мы, наверное, единственная держава в мире, причем мощная, серьезная, способная воевать и побеждать, которая сопротивляется натиску западной культуры, вавилонской – европейской и американской.

Обыватель

Обыватель – это, собственно говоря, инерция, с которой борется жизнь. Я считаю, что в жизни один закон – это война. Между силами жизни – войной, и силами инерции – энтропией, как я уже неоднократно говорил. Сведение к нулю. Вот обыватели – это энтропия. А что с ними делать, я не знаю, не то, что мы собираемся их всех поубивать, но мы-то

живем, а они-то – не мешайте нам. Если вы мешаете, хорошо… И начинается. Воевать мы будем жестоко, конечно, без всякого сомнения. Если нам будут мешать, а нам мешают. В данном случае нам не просто мешают, а нас загнали в угол, конкретно совершенно. И воевать мы будем чудовищно, так что ахнете (*прим.:* развеселился, смеется).

Вторая мировая война

Конечно, мы немцев (эх, черт, я бы матерно выразился) победили. Победили потому, что они по сравнению с нами – говно. Изначально было ясно. Просто наш народ очень долго раскачивается. Довели до Сталинграда, но потом-то как дали. Так, что кишки полетели, и все. Но по большому счету надо было объединиться и на Запад двигать. Потому что это были две культуры, социальные формации, которые очень правильные. Они друг от друга действительно не отличаются, кроме одной частности – что это немцы, стало быть дураки. На основании догматизма немецкого, вот этой всей байды, нагромождения всех этих философских построений умозрительных, которые они делали в течение всего этого времени. В результате чего начались: антисемитизм, когда из человека начали мыло варить и так далее. У нас такое вообще никогда невозможно, у нас представить себе невозможно, а у них… В этот момент они полностью подписали себе смертный приговор, это было сразу ясно. Ну и все, конец настал совершенно естественный и справедливый, зако-

номерный. Это была такая честная война, нормальная. Была хорошая война, мощная, здоровая. Мы победили закономерно. Единственное, что мы, конечно, сделали ошибочку, что остановились на Германии – надо было дальше двигать. Потому что инерция была такая – надо было, конечно, Европу завоевать и все.

Приход к власти

Есть два варианта: один вариант военный и другой вариант – если придет к власти Александр Лукашенко, что было бы гораздо лучше. Тогда будет более цивилизованный вариант. Ну, иначе будет нецивилизованный вариант просто.

Сырьевые ресурсы

Если все будет продолжаться как сейчас, мы приближаемся к состоянию западного сырьевого придатка. Уже фактически сейчас сырьевой придаток Запада. Политика ведется сейчас на другом уровне.

Будущее

Процессы столь непредсказуемые в обществе происходят – в геополитике, геофизике… Говорить сейчас, что будет через год, через два, абсолютно нереально. По большому счету то, что мы делаем – это война. Она идет на очень широком спектре уровней: на политическом, песни, какие-то заявления, на метафизическом… Если надо, мы возьмем автоматы

и будем воевать с автоматами. Если дело дойдет до войны, мы будем воевать. Однозначно.

Прямая речь Егора в этом материале вполне соответствует тому, что и как он говорил в ту пору. Подводка о «наци-роке» – от авторов публикации, нужно было, видимо, иметь особенный склад ума, чтобы увидеть в Летове нациста. Которым он никогда не являлся.

Солнечный путь Егора Летова

Алексей Курбановский «FUZZ» № 6 (45), июнь 1997 года

Акустический концерт Егора Летова в клубе «Полигон» с презентацией альбома «Солнцеворот» вызвал сильный ажиотаж среди питерской экстремистской молодежи: по слухам, было продано около 700 билетов. Во всяком случае, задолго до начала акции здание на Лиговке было густо облеплено со всех сторон: там роились и панки, и алисоманы, и даже, кажется, металлисты; самым юным никак нельзя было дать много больше десяти. Копы и прочие security столь свирепо «блюли» узенькую дверь, что пролезть внутрь составляло колоссальную проблему даже для обладателей билетов – ну, а в запакованном зале, напоминавшем инфернальную сауну, вели себя на редкость чинно, затаив дыхание, внимали словесам со сцены, да глазели на экран, куда туманно проецировалось крупным планом лицо поющего Егора. Полуторачасовой концерт (с ответами на записки из публики) вместил 29 песен: правда, большинство старых хитов, но прозвучали и «Солнцеворот», и «Дембеля», и «Туман» Колкера/Рыжова, и «Мы Идем В Тишине» «Черного Лукича» Кузьмина. Со сцены Егор подтвердил свой непременный экстремизм, почтил группу NIRVANA и осудил недавнюю национал-большевистскую акцию по «захвату» крейсе-

ра «Аврора» как откровенное ребячество. Кажется, у всех собравшихся сложилось ощущение, что они присутствовали при чем-то чрезвычайно важном, серьезном и дразняще-альтернативном. После концерта в гримерке, в сумбурной атмосфере, усталый, но, как всегда, собранный Летов изобретательно отражал хаотичные наскоки со стороны разноперых mass-media.

Творчество

– Егор, расскажи про последний альбом – как появилась идея его создания, что вдохновляло, как шла работа…?

– Идея появилась после октября 1993 года. Мы поняли, что не можем оставаться в стороне. Наше оружие – что можно было сделать в то время – это музыка, песни. Первая идея была – записать что-то вроде двух больших сорокапяток, где были бы задействованы «Инструкция по выживанию», «ДК», «Черный Лукич», мы, может быть, еще кто-нибудь. Я сочинил тогда песни «Родина», «Победа». Но постепенно выяснилась невозможность такого проекта – по причине тяжелой ситуации, в том числе финансовой.

Затем стало понятно, что замысел перерастает во что-то большее… В 94-м году я сочинил почти все песни из вышедшего двойника – «Солнцеворот» и «Невыносимая Легкость Бытия» – они писались как одно целое. Записывать стали в 95-м. У меня принцип – «сделай сам», так что нача-

ли работать в домашних условиях, на «Олимпе». Когда записали первые девять песен, наш бывший директор Евгений Грехов неожиданно (для меня) привез цифровой восьмиканальник, и пришлось затратить около десяти месяцев, чтобы адаптировать записи с «Олимпа» к цифровым записям. На самом деле это была ошибка, надо было, конечно, записывать все заново, а то невозможно состыковать по звуку ни орган, ни голос… Затем, когда мы наконец-то все состыковали, довольно быстро записали болванки обоих альбомов. Технически запись сделана довольно интересно, потому что там много хитростей – например, играют восемь гитар в унисон…

– Все гитары – твои?

– Да, мои. Мы сделали такой звук, какого, вероятно, нет в природе. Мы полностью добились того, чего хотели. Если, например, об альбоме «Сто Лет Одиночества» я мог говорить, что мы максимально приблизились к тому, что хотели выразить, то здесь – сделали все, как надо, хоть и ушло чудовищное количество времени и энергии. Присутствует и метафизический план, неотделимый от нашего творчества. Как только записали альбом – около года назад, – из группы неожиданно, в последний момент, ушел Кузьма (Рябинов). Как раз когда он должен был подкрутить ручки и отрегулировать свой бас.

– Вы поссорились?

– Нет. Просто он ушел, без объяснения причин, уехал.

Сейчас он находится где-то в Ленинграде. Ушло еще три месяца, чтобы научить нашего нового гитариста Махно всем партиям, чтобы он адаптировался.

– Это ваш старый знакомый?

– Конечно, он из группы РОДИНА.

– Какой из двух альбомов лично тебе ближе?

– Они очень разные, хотя – части единой работы, отражающей нашу жизнь в коммуне почти за полтора года. Я сначала хотел сделать альбом «Новый день», куда вошла бы песня «Родина», и так далее – боевой такой альбомчик, минут на тридцать. Потом он еще больше оброс песнями. В окончательном варианте первый альбом – «Солнцеворот», там обложка просто роскошная. Это – прямое руководство к действию. Второй альбом – более философский, что ли… Там – о том, что нужно осмыслить для действия.

– На обложке «Легкости бытия» картина Иеронима Босха – прокомментируй…

– «Искушение святого Антония» – сидит, значит, такой Антоний над рекой…

– А на него всякая чертовщина лезет?

– Нет, она там не очень густо лезет, и это важно – не так, как в других картинах у Босха. А лицо у этого человека, сидящего у воды, – такое облегченное, терпеливое… Это состояние альбом и выражает. Мы, можно сказать, частенько в таком состоянии находимся – когда хочется, да и возможно, просто так вздохнуть – ф-ф-ух…

– Тем не менее, в текстах альбома появляется отнюдь не святой Антоний, а Ленин – например, есть песня «В Ленинских Горах»…

– Это не мой текст, а «Черного Лукича» (Вадима Кузьмина), там неожиданный ракурс… У него была строчка «Кому не нужен Бог» – я ее изменил, в первом куплете я пою «В кого не верил Бог», во втором – «В кого не верит Бог», и в третьем «Кому не нужен Бог», и получился смысл метафизический… Песня, собственно говоря, про что? Про то, что Ленин умер в октябре 1993-го. Так и надо было, в самом деле, назвать песню, чтоб никаких вопросов не возникало.

– По каким соображениям включена в альбом песня «Про Дурачка»?

– Я давно это хотел сделать… Изначально, когда я писал «Прыг-Скок», было два варианта «Дурачка» – электрический и акустический. Я ощущал, что у меня недостаточно технических возможностей, чтобы воплотить то, что хотел – тот вариант, голосовой, что появился на пластинке, должен был включать 18 голосов. Удалось записать только четыре, потому что стеклоферритовая записывающая головка не позволяет сделать разрежение между голосами…

– А женский голос на подпевках зачем появился?

– То, что женский голос появился – это, я думаю, просто наповал, то есть, по-моему, совсем гениально – когда там звучит строчка: «Моя мертвая мамка вчера ко мне пришла…», – мне неловко говорить – то есть, работа законче-

на, мы победили… Лучший альбом, наверное – если уж и не всего рока, то наш, во всяком случае. Впрочем, в нем самом все сказано.

– На концерте ты упомянул о совместном музыкальном проекте с братом Сергеем – нельзя ли поподробнее…

– Проект следующий: это будет группа ударных инструментов Михаила Жукова – три человека, потом брат и я, вот и все. Главный принцип, по которому строится этот проект, – максимальная энергетическая отдача всех пятерых.

– И какой же материал эта группа будет играть?

– Не скажу, потому что пока не знаю сам. Сделаем.

– Пение, то есть, тексты, будут?

– Да, конечно. То есть, я, видимо, буду с гитарой, и буду петь, брат будет с саксофоном, или с чем угодно… Мы решили, что проект будет одноразовый – один концерт и одна запись, и на этом все закончится. Я долго хотел как-то связаться с братом, использовать его в последних альбомах, но он много разъезжал, а мы сидели практически безвылазно в Сибири и работали.

Политика

– Егор, довольно трудно уследить за твоими развивающимися политическими симпатиями и антипатиями. Не мог бы ты как-то прокомментировать последние изменения в этой области?

– О каких изменениях речь? Я на концерте сегодня объяснял: мы не изменились, какими были, такие и есть. Это ситуация в мире меняется. Сейчас мы поддерживаем Александра Лукашенко, причем готовы поддерживать, в том числе, и действием, оружием.

– А кого, например, из российских деятелей?

– Да там просто нету никого… Лукашенко придет к власти в России и наведет порядок. Может быть и другой, военный вариант развития событий, но в первом случае все пройдет более цивилизованно, что ли.

– У тебя на куртке значок Че Гевары – что это значит?

– Я бы не хотел устанавливать моду, чтоб каждый дурак что-нибудь носил, дело здесь серьезное… Хочу сказать: мы люди дела. Думаю, что сейчас эпоха политиканов прошла. Не имеет смысла заниматься какой-то болтовней: это, мол, хорошо, а то – плохо. Всем все ясно, все уже расставлено по своим местам. Разоблачения уже не работают, надо действовать.

– Ты говоришь, что всем все ясно – но согласно социологическим опросам, в умах сейчас царит такая путаница…

– Ясно, допустим, голодному человеку, что он голоден, а сытому – что он сыт? Или, например, любому, так сказать, материально обеспеченному человеку сейчас ясно, что ему страшно. Произошел раскол общества на тех, кому страшно,

и тех, кому не страшно. Те люди, которым не страшно – они делают, что хотят, и сделают: они придут к власти. Это мы.

– Вы – это кто?

– Широкий вопрос… Общество сейчас дошло до такого состояния, что появилась определенная прослойка – люди, кому нечего терять. Идеология в данном случае роли, можно сказать, никакой не играет. Все революции случаются не по идеологическим причинам, но, скорее, бессознательно. Те, кому нечего терять – люди прямого действия, экстремисты, боевики. Они могут быть бедными, голыми, учеными-интеллектуалами, но главное – это их готовность к действию.

– Известно, что Юрий Шевчук ездил в Чечню, пел там свои песни… Каково твое отношение к такому поступку?

– По-моему, это – театр Кабуки, и больше ничего. Мы тоже хотели в Чечню поехать, но возникли трудности… Но я бы поехал в Чечню не для того, чтобы песни петь (хотя песни я там, конечно, пел бы в окопах). Но главное: я бы поехал в Чечню, чтоб воевать, бороться. Мы также хотели поехать в Сербию, и нас снова не пустили. Все это не так-то просто.

– В одном из твоих интервью ты говорил нечто вроде того, что Советскому Союзу надо было объединяться с Гитлером – и идти воевать с Западом.

– Я об этом часто говорил, но могу и повторить… Всем известно, что была война, в которой мы немцев разбили (можно было и сильнее сказать). Наш народ очень долго раскачи-

вается, но когда довели до Сталинграда – то мы и дали в ответ как следует… Но вообще-то СССР и Германия – это были две родственные культуры, сходные социальные системы, надо было, конечно, объединяться… Отличие было в одном: немцы, вследствие своей романтической традиции, умозрительной философии и так далее, пришли к чудовищным результатам – когда из людей стали мыло варить. У нас такое представить себе невозможно. Поэтому немцы тем самым подписали себе смертный приговор, и наша победа над ними была совершенно естественна, закономерна и справедлива. Мощная была война, здоровая. Жаль, правда, что на Германии остановились, надо было нам всю Европу занять.

Метафизика

– Егор, каково вообще твое отношение к вере?

– Это большой вопрос – часа на четыре отвечать… Я могу, конечно, сказать, что я атеист. Либо, скажем так: я верю во все. Вообще во все. По-моему, дело не в том, что ты, лично ты ощущаешь и думаешь, а в том, как ты действуешь. А действовать надо так, как будто ничего нет – ни Бога там, и ничего другого…

– И тебя самого как бы нет?

– И тебя нет.

– Ты говоришь о трансперсональных переживаниях – может быть, имеешь в виду достижение такого состояния через наркотики?

– В работе над последними альбомами – непосредственно. Поскольку записи делались на максимуме самоотдачи, для этого мобилизовались чудовищные стимуляторы, вот все и писалось буквально со слезами на глазах…

– В этих твоих словах, да и в ваших выступлениях, много какой-то мрачной, отрицательной энергетики – то ли это впечатление, какое вы стремитесь создать?

– Могу сказать: может, конечно, мы и мрачные люди, но прежде всего мы солдаты – скажем так, те бесы, которые охраняют Рай. Может, я и не видел, что там, внутри… Мне кажется, люди делятся на два лагеря, которые воюют с противоположных сторон. И есть середина, болото, ни туда, ни сюда, ни горячие, ни холодные – теплые… Иными словами, есть те, которые хотят, и те, которые хотят хотеть. Мы хотим, и мы делаем.

– Но конфликт, война несут разрушение…

– Нет, война не несет разрушения. Война – главная ось этого мира, главная созидательная сила. Война – это прогресс, преодоление косности, инерции. Война – это, прежде всего, война с самим собой, чтобы преодолеть какой-нибудь недостаток, или комплекс свой.

– Откуда же у победителей такая опустошенность?

– Вероятно, опустошенность – неверное слово. Победители – мудрые люди, и у каждого из них – состояние свершения, а оно печальное. Мудрый человек – он платит всем своим, самим собой, чтобы было хорошо другим. Это необ-

ходимая жертва. Есть притча: пока ты поднимаешься на гору, думаешь, что это самое главное, но вот поднялся, а там спуск, и еще одна гора, еще выше и страшнее первой, и далее. Я верю, что история человека и человечества не круг, а спираль, стремящаяся все выше и выше вверх.

– Каким тебе, в этой связи, видится предназначение русской культуры?

– Не знаю, могу ли я за всю Россию говорить… Но мне кажется, что наша страна, наша культура – последняя, где еще осталось сопротивление вавилонскому хаосу, силам энтропии. Поколение, воспитывающееся в хаосе, мерзостях нынешних, уже потеряно, проиграло. И все равно, мы – единственная великая держава в мире, способная еще воевать и побеждать, еще сопротивляющаяся натиску вавилонской – европейской и американской – культуры.

– А до Сибири, что, не доходит западная культура в виде товаров массового потребления?

– Дело не в товарах, а в духовном растлении. В Питере и в Москве, в мегаполисах это очень хорошо заметно – там люди варятся в собственном соку, живут по своим законам, а все, что происходит вокруг, им совершенно чуждо и непонятно. Я много езжу по стране – недавно были, например, в Минске, атмосфера там мне очень понравилась… А в других местах – на Юге, в Казахстане – народ нищает, происходят страшные вещи.

– Твое негативное отношение к обывателям – оно

не может ли привести к каким-то еще более страшным вещам?

– Мое отношение к обывателям такое: обыватели – это та инерция, с которой борется сама жизнь. Ответ широкий, да? Я считаю, что вообще в мире происходит война между силами жизни, солнца – и силой инерции, энтропии. Мы не собираемся всех обывателей уничтожать, но – мы живем, и лучше нам не мешайте. Если мешаете – пеняйте на себя, бороться мы будем жестоко. А нам не просто мешают, нас загнали в угол.

– В одной из песен ты только что спел: «вечность пахнет нефтью», такой геополитический образ… Чем тебя лично интересует нефть?

– А знаете, чьи это слова? – Бертрана Рассела. Россия сейчас скатывается к положению сырьевого придатка Запада. Процессы в геополитике и геофизике происходят столь стремительно и непредсказуемо, что говорить о том, что произойдет через год, просто невозможно.

– А что будет с тобой через год – ты по-прежнему будешь песни писать и петь?

– Не могу сказать, не знаю. То, что мы делаем, – это война сразу на нескольких уровнях: политическом, метафизическом… Если понадобится, мы возьмем и автоматы.

Несомненно, все, о чем говорит и поет Егор Летов, составляет части его мировоззрения, существующего и функ-

ционирующего как художественная система. Сама по себе эта система цельна и убедительна (даже точнее, заразительна), но она далека от сухой логической жесткости партийной программы. Летов не дает повода усомниться в своей искренности и в неизбывной готовности брать все на себя. Кажется, такая его судьба – брать на себя бремя и нести его. Но, как писал в свое время Фр. Ницше, обремененный не может себя разнуздать, и, следовательно, не знает легкости, которая суть привилегия Сверхчеловека. Летов – человек земной, он может ошибаться, сбиваться и начинать сызнова. Вот почему и легкость бытия для него невыносима – как для святого Антония, искушаемого всеми чертями из адской бездны.

В книге «Сияние» уже говорилось о том, что на фоне негласного бойкота, устроенного «Гражданской Обороне» и Егору Летову в демократических СМИ, едва ли не единственным профильным медиа, которое к этому бойкоту не подключилось, был питерский журнал «FUZZ». Конечно, авторы журнала и его руководство совсем не разделяли летовский революционный задор и непримиримую к действующей власти позицию, но и игнорировать существование столь большого автора они не хотели и не могли.

Пресс-конференция Егора Летова

26 июня 1997 года клуб «Полигон», Петербург, после концерта «Гражданской Обороны»

– Ты говорил, что относишься к текстам своих песен исключительно как к текстам, а не к стихам. Отношение не изменилось?

– Да, это тексты. Я считаю, что по большему счёту, наверное, я поэт. Ну, если ещё по большему счёту, я всё-таки акционер, деятель. Потому что то, что мы делаем – искусство, живопись, я еще и художник – это всё из области действия.

– А как это соотносится с искусством?

– А никак не соотносится. Как угодно. То есть, это может быть искусство, может быть не искусство, это может быть политика, это может быть что-то ещё. Это может быть просто, допустим, разговор. Это может быть то, что сейчас мы производим.

– А ты думаешь о том, когда ты делаешь какую-то вещь, делаешь какой-то концерт – останется это в веках, или нет, искусство это или не искусство?

– Абсолютно не думаю. Да ничего в веках не остаётся. Дело-то не в этом, собственно говоря. Меня интересует тот момент, который происходит, настоящий. Данная ситуация. Ситуации меняются, имеют свойство меняться. Исто-

рия представляет собой такую систему – спиралеобразный процесс. Мы на одном месте не находимся, это определенная спираль. Мы представляем собой определенный его движитель. Без ложной скромности скажу. Во всяком случае, помогаем ей максимально раскручиваться.

– Ты же поёшь старые вещи на концертах, которые уже утеряли сиюминутность?

– То, что мы делаем на концерте, – на самом деле совершенно наплевать, старая песня, новая песня. Собственно говоря, всё, что мы делаем – это, по большому счёту, одно и то же. Это всё из области таких вещей, о которых по-русски – вот сейчас, допустим, такого слова нет русского. К сожалению, еще очень много слов не придумали для того, чтоб называть вещи своими именами. И поэтому приходится заниматься болтовнёй очень долго-долго, в виде векторов каких-то намекать, намекать, описывать то, что мы делаем, объяснять, и так далее. На самом деле, это одним словом должно было называться, но слова такого покамест нет, к сожалению.

– А в английском тоже нет?

– Ой, тем более, тем паче. Там-то совсем язык плохой, там с этим делом совсем худо.

– А твое отношение к звуку?

– Мне придется сейчас опять повториться в очередной раз. Я месяц назад здесь был и давал пресс-конференцию, и опять те же самые вопросы, опять приходится отвечать те

же самые ответы. Мы занимаемся, грубо говоря, один из, наверное, важных обобщающих аспектов нашей деятельности – мы показываем, мы являем собой определенный пример, как действовать в определенных ситуациях. Особенно когда ситуации меняются, и особенно когда они меняются в плачевную сторону. Как действовать в любых ситуациях, но особенно когда они меняются. Поэтому все эти наши – политическая деятельность и так далее – это есть определенная демонстрация опыта, понимаете? Это такой намёк, собственно говоря.

– Ты рад сегодняшней публике?

– Да. Ну, я и тогда говорил, месяц назад – мне понравилось здесь, очень хорошо, лучше, чем в Москве. Вообще, публика очень живая. Дело в том, что раз на раз не приходится. Раньше в Москве публика была поживее, чем здесь, то есть, она была более агрессивная, драчливая, и так далее. Вот сейчас, у меня была месяца два назад акустика – вот там публика стала какая-то очень мягкая, по моим понятиям. Мягкая в каком-то таком глубоком, энергетическом смысле.

– Относительно проекта с братом – вы говорили, что будет авангардистский проект, там что-нибудь сдвинулось или нет?

– Я человек суеверный и никогда стараюсь не говорить о том, чего нету.

– Уже птица вылетела.

– Вот, к сожалению, к сожалению. Да, птица вылетела, ко-

гда я говорил, что мы пишем новые альбомы – после этого народ в течение двух лет этих альбомов ждал. На самом деле ничего не надо было говорить, ничего мы не делаем. Тем более, то, что мы делаем, – оно имеет свойство меняться, трансформироваться в новое. То есть, идея может быть одна, но в процессе, допустим, ее создания, воплощения, она имеет свойство трансформироваться, может быть, не просто в противоположную, а на уровень. Начинаешь с того, что ты решил песню сочинить, а кончил тем, что три фильма снял. Понимаете, да?

– Фильм у тебя нет желания снять?

– Есть желание снять, но об этом тоже говорить не буду. То есть, пока этого не снято. Можно, имеет смысл говорить о том, что уже сделано. Вот сейчас альбомы записали – можно о них говорить. А пока их нет, вот пока нет новых альбомов. Относительно того, что проектируется в будущем, я могу сказать, что нас теперь будет шестеро, у нас будет два басиста.

– Кузя будет второй?

– Нет, второй будет не басист, а басистка, девушка. А больше не скажу ничего.

– А с Кузей какие отношения?

– С Кузей – я не знаю. Кузя же здесь находится, вот он сейчас тут был, пригласите его и спросите.

– Вы сейчас не контактируете?

– Так он играет в какой-то группе своей. Вон он в кори-

доре. Как не контактируем?

– В прошлый раз, когда ты приезжал месяц назад, и сейчас, вы не созванивались, не встречались?

– Разумеется, встречаемся. У нас же дружеские отношения.

– К Кузе все вопросы будут завтра.

– Ну да, но можно и сейчас что-нибудь задать. Вот можно его сюда пригласить, посадить. Если будут вопросы относительно наших последних альбомов – лучше так и сделать, потому что альбом, собственно, альбомы созданы нами двоими.

– То есть, концепция группы меняется?

– То, что сейчас с нами происходит, – это определенная веха. Мы не просто обновили состав, мы изменили вообще всю структуру. Вы же сегодня видели концерт – это совсем не то, что была «Гражданская Оборона» три года назад. То есть, это уже не «Гражданская Оборона», это что-то совсем другое. По идее, надо даже иначе называть. Мы играем иначе, по другим принципам, у нас вообще всё происходит несколько иначе. Это из области чего-то уже другого, это, собственно говоря, уже не рок.

– Песни-то играете те же, не современные.

– А какая разница? Мы можем вообще любые песни петь. Понимаете?

– Поэтому Колкера поёте?

– Мы можем Гребенщикова, например, спеть, но это уже

вообще будет совсем страшно плохо, понимаете? Тогда совсем будет страшно, вы просто ужаснётесь.

– Ты сказал о новом составе, представь, пожалуйста, музыкантов.

– Новый состав – те же самые плюс девушка Наташа на басе будет играть. Девушка, которая играет всю жизнь в панк-группах. Профессионал. Больше ничего не скажу.

– У меня складывается такое впечатление, когда я смотрю концерты, что ты и группа выходят что-то людям сказать в зал, а они приходят просто поторчать. Или я не прав?

– Те, кто приходит поторчать – им становится через какое-то время очень страшно. Обычно что-то через них выходит и что-то другое начинается.

– Тебя не обламывает такая ситуация?

– Меня вообще ничего никогда не обламывает. Если бы меня что-то обламывало… Что значит обламывает? Я что, должен тут же заплакать, со сцены убежать, что ли? Это из области войны, собственно говоря, – если ты вышел, то всё…

– Наверное, энергетическая какая-то взаимосвязь происходит?

– Конечно, да.

– А нравятся ли эти выскакивания из публики (*прим.:* на сцену)?

– Да, конечно, нравятся.

– Обнимаются с тобой на сцене.

– А то, что обнимаются, – вот это, наверное, чересчур, потому что они отвлекают. Да нет, это всё из области нормальной, если это происходит очень быстро. А если с тобой рядом человек пляшет, в микрофон у тебя поёт, подпевает, причем громче тебя, и так далее. У меня такие были ситуации.

– Твои сегодняшние политические воззрения, политика. Публика, которая собралась, как она относится к тебе, как ты думаешь?

– Ну да, я такой национал-большевик, коммунист, коммуно-фашист, как угодно можно называть. То, что мы делаем – мы делаем больше, чем идеология, политика или что-то еще. Мы занимаемся другими вещами.

– Всё обобщённо.

– Это то же самое, что спросить Баха – как ты относишься, допустим, к мажорной тональности или к минорной. Понимаете? Мы занимаемся другими вещами, мы другое имеем в виду, когда мы делаем вот эти акции, вот эти вещи.

– В зале были алисоманы, были скины, были панки.

– Да бог с ними со всеми, дело-то не в этом. Дело в том, что есть люди действия, а есть люди недействия. Есть люди-паразиты, а есть люди, которые что-то делают. Вот меня интересуют люди, которые что-то делают. Мы общаемся с людьми, которые что-то делают, что-то умеют. В данном случае, если относительно политических пристрастий. Умеют в настоящий момент националисты что-то. Коммунисты.

– А демократы не умеют?

– Демократы? Вот что – они довели страну.

– Так это тоже уметь надо.

– Выгляните в окно и посмотрите, что они умеют. Дурацкое дело – нехитрое. Вот что они умеют. Всё, в общем, развалено. Вот тот, кто что-то умеет – это человек из области каких-то тоталитарных вещей. Это не означает, что он должен быть чудовищный фашист с кровавым топором, как это подаётся. Это просто люди, которые имеют определенную внутреннюю систему ценностей, ради которой они могут наступить на горло собственной песне, своему эго. И ради этого они… Это из области подвига.

– Ты считаешь, что наступил на горло собственной песне?

– Лично себе?

– Да.

– Да я уже не то, что наступил, а вообще меня уже как такового нет. Я гораздо шире. Меня не интересуют мои личные эго-вещи, понимаете? Это из области подоночных вещей – всё, что носит характер частный. Это частные вещи. А имеет смысл заниматься вещами большими, которые больше, чем ты сам.

– По сей день есть легенда о твоих взаимоотношениях с советской психиатрией. Что там было на самом деле? Какой диагноз?

– Никаких у меня отношений с ней нет. Ну, были однажды. Я уже неоднократно рассказывал – в 1984 году нас

разогнали, собственно говоря. То есть, на нас были большие гонения. Меня отправили на какое-то время в психушку, Кузьму отправили на Байконур. Нас разогнали, как это обычно было в те времена. Началось с того, что били на улице, потом вызывали на допросы, завели дело. Обыски были, и так далее. Всё как по писаному происходило. Потом выпустили. Больше никаких отношений у меня не было и, надеюсь, не будет. Как у Высоцкого в песне сказано: «Ничего там хорошего нет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.